

Осень — это вторая весна,
когда каждый лист — цветок.

АЛЬБЕР КАМЮ

Джереми стоял на палубе, глядя на океан. Судно качало; Джереми крепко держался за планширь, а когда нос корабля опускался вперед, удерживал равновесие, слегка сгибая колени. Он уверенно справлялся с качкой, и все же ему было не по себе. Виной этому были настойчивые взгляды остальных пассажиров, в которых Джереми отчетливо читал: ему здесь не место. Никто не начинал с ним разговора, но в еле слышном шепоте Джереми различал, что все обсуждали только его. Джереми рассматривали, посмеиваясь и над его взъерошенной шевелюрой, и над его широчеными плечами, и над его нарядом — разве что чокнутый выйдет в таком костюме на

палубу, которую заливают брызги соленой пены. Всех забавляло и то, что он все время почти неподвижно стоит на палубе и не отводит глаз от горизонта, как будто напряженно ждет появления какой-нибудь морской твари. Даже когда море разбушевалось и все пассажиры попрятались от непогоды в свои каюты, Джереми остался на палубе любоваться океаном — сине-зеленые переливы простирались насколько хватает глаз. Ни насмешливые взгляды других пассажиров, ни шепоток за спиной не мешали ему наслаждаться путешествием и радоваться исполнению мечты. «Может быть, как раз из зависти надо мной и смеются, — подумалось Джереми. — Кто из них может похвастаться тем, что смог исполнить свою мечту сам, ничего не выпрашивая у Бога и ничего в жизни не украв?» Да и вообще, все они были на этом корабле только затем, чтобы попасть из одного порта в другой, а для Джереми само путешествие было, возможно, даже важнее, чем пункт назначения, хотя и он тоже был частью его мечты.

Берега давно исчезли в утреннем тумане. Близился полдень, и Джереми начал забывать свой долгий утренний путь из пригорода в порт. Он вышел еще затемно и быстро зашагал вдоль четырехполосной автострады, еще пустынной в этот час, — время, затерянное между ночью, которая уже ушла в небытие, и днем, который еще не зародился. На старом ржавом мосту Бигли Джереми остановился, чтобы перевести дух и полюбоваться рекой. По течению в сторону эстуария медленно плыл ствол дерева; Джереми подумал, что этот ствол окажется на месте не только раньше, чем он, но и не затратив никаких усилий, однако усмотрел в этом ободряющий знак: ведь им было по пути. Затем он пересек пустоши, окружающие город, низины, испещренные солоноватыми болотами, над которыми поднимались затхлые испарения. Небо стало светлеть; из бледно-желтого оно становилось ярко-шафрановым; Джереми тем временем шел по безлюдным проспектам, его вытянутая тень скользила вдоль длинных домов, в окнах которых начинал загораться свет. Путь Джереми лежал мимо ти-

хих парков с темными вязами, витрин еще закрытых магазинов, могил на дремлющих кладбищах. Подходя уже к порту, он поприветствовал мусорщиков — единственных, кого встретил на своем пути. Отныне все для Джереми осталось в прошлом: и пригород, и работа, и воспоминания.

Глядя на океан, который простирался до самого горизонта, Джереми вдохнул полной грудью и с трудом сдержал слезы. Он не бежал, он просто уехал; конечно, он не знал, что будет дальше, однако так же твердо, как его руки сжимали планширь, Джереми верил, что его ждет лучшая жизнь. В этой вере — сила тех, кто не боится мечтать.

Адель Глимпс замерла у иллюминатора, внимательно разглядывая странного молодого человека, который неподвижно стоял на одном и том же месте с тех самых пор, как корабль отправился в путь. Нечто объединяло их, хотя она ехала в своей каюте, а он — на палубе. Ей нравилось представлять, как и чем живут другие люди. Этот молодой человек был совсем один — с ним не было ни семьи, ни друзей... может, он иностранец? Интересно, чем заняты его мысли?

Пришло время собираться в ресторан; Адели совсем не хотелось ужинать в компании других пассажиров, но еду в каюты не подавали, а она порядком проголодалась.

Чтобы не привлекать внимание, Адель не стала прихорашиваться: надела скромный костюм, собрала волосы в пучок и вышла из каюты.

Она заперла дверь на ключ и пошла по коридору, размышляя о своем внезапном отъезде. Накануне вечером почтальон принес ей квадратный конверт с серой окантовкой. Адель сразу поняла, в чем дело, едва взглянув на знакомый почерк. Даже не вскрывая конверта, Адель и так уже знала главное — куда ей предстоит отправиться, а детали сейчас были не важны. Ни секунды не раздумывая, она собрала чемодан и предупредила коллег о своем отъезде. Адель решила не покупать билет на самолет — ведь тогда она оказалась бы на месте слишком быстро, ему бы это не понравилось. Ведь это он научил Адель жить, никуда не торопясь сверх меры. Она забронировала по телефону место на корабле. Как хорошо, что он отходит лишь утром следующего дня, и, хотя делает всего два рейса в неделю, на корабле еще остается одна свободная каюта первого класса.

На заре Адель срезала в своем саду еще не раскрывшуюся розу; она намеревалась поставить цветок в воду, едва оказавшись на корабле, чтобы роза выдержала все путешествие до конца. Затем Адель села в такси и отправилась в порт. Было очень рано — солнце еще не успело разогнать туман. С маленьким чемоданчиком в руках Адель поднялась по трапу и сразу же заперлась в своей каюте. Пассажиры собрались на палубе: все ждали, когда прозвучит команда: «Отдать швартовы!», раздастся гудок и корабль отчалит.

Когда-то очень давно Адель точно так же отправлялась в путешествие на большом корабле, и ее сердце наполнял неповторимый восторг. Как же такие отражения прошлого в настоящем будят ностальгию!

Давно, прощаясь с ней, любимый взял с нее обещание быть счастливой или, по крайней мере, сделать для этого все возможное, даже без него, без их любви. Непростая задача. Но Адель решила с ней справиться и нашла для этого неплохой способ: интересуясь жизнью других людей, она забывала о себе и своей печали.

Вчерашнее письмо стало серьезным испытанием этого метода, который до сих пор хорошо работал. Теперь важно было не сорваться: Адель считала, что быть несчастной сродни зависимости. Члены сообщества «Анонимные алкоголики» измеряют срок воздержания от алкоголя в днях, неделях, месяцах и годах трезвости. Адель выбрала тот же подход: продвигаться шаг за шагом, зарабатывая жетоны за свои достижения. На сегодня она присудила себе уже десять жетонов; сдать, проделав такой путь, было просто непозволительно; посмотреть на то, как корабль покидает порт, было соблазнительно, но в то же время слишком рискованно.

Весь ужин Адель думала о том молодом человеке на палубе. Куда и зачем он плывет? И почему его лицо кажется ей знакомым, хотя она абсолютно уверена, что видит его впервые? Разговоры соседей по столику навевали на Адель жуткую скуку: речь шла о прогнозе погоды, о политике, о том, где провести отпуск; к подаче закусок гости уже успели рассказать друг другу о своих профессиях. К этому моменту Адель и так

уже догадалась, чем занимается каждый из них. До ужаса предсказуемые собеседники: флиртующий со всеми одинокий бухгалтер, адвокат и его супруга, гордящаяся своим положением в обществе еще больше, чем он сам, слегка растерянные молодыены и владелица ресторанчика в Мальбеке, красивом прибрежном городке, в котором Адель побывала несколько лет назад. Как раз с ней Адель, возможно, и нашла бы о чем поболтать, но сейчас ей не хотелось ни с кем разговаривать. Она окинула взглядом зал и подумала, что тот молодой человек, наверное, все еще стоит на палубе. Не обращая внимания на удивленные взгляды, Адель взяла со стола две булочки, разрешила их надвое и сделала сэндвичи, взяв со своей тарелки запеченное мясо, к которому сама не притронулась. Добавив немного горчицы, она завернула сэндвичи в салфетку.

— Запасы на ночь? — ухмыльнулся адвокат.

Адель вежливо улыбнулась, допила свой бокал вина и вышла из-за стола.

Она поднялась на верхнюю палубу и направилась к месту, где увидела того мо-

лодого человека в первый раз. Он был по-прежнему там. Адель подошла к нему и облокотилась о планширь.

— Что для вас счастье? — спросила она.

Джереми отвлекся от волн и посмотрел на незнакомку, раздумывая, не подослали ли ее, чтобы посмеяться над ним. Он узнал ее лицо — Джереми заметил эту женщину, еще когда они поднимались на борт; она совсем не походила на остальных пассажиров. На ней был скромный костюм, при этом ее отличала необыкновенная элегантность, которой так не хватало пассажирам, заполнившим трап первого класса.

Отец Джереми был портным, он часто повторял сыну, что настоящая элегантность выражается не в одежде, которую мы носим, — прежде всего она исходит изнутри. В качестве примера ему нравилось приводить одного из своих клиентов, старину Тома, — тот тратил бешеные деньги на лучшие ткани, но даже самый дорогой твид не мог придать ему лоска.

Зачем она сюда пришла? Джереми задумался, нахмутив брови, но быстро успоко-

ился: когда эта женщина поднималась на борт в одиночестве, она показалась ему какой-то особенной, слишком одухотворенной, чтобы играть в дурацкие игры.

— А я не гонюсь за счастьем, — ответил он.

— И я в этом не сомневаюсь: никогда не видела, чтобы кто-то мог столько времени стоять на одном месте. Ты что, собрался всю ночь провести на палубе?

— Не знаю почему, но мне кажется, что мне здесь не рады. Возможно, считают, что я лицом не вышел.

— Твое лицо тут ни при чем, — ответила она. — Просто если у тебя нет билета первого класса, то ты находишься не на своем месте и это мешает тем, кто купил дорогие билеты, чтобы тешить себя иллюзией роскоши на этом стареньком корабле.

— У меня самый дешевый билет. Я не хотел никому мешать, я просто не знал, что эта палуба — только для пассажиров первого класса.

Тут нос корабля резко опустился вниз. От неожиданности Адель потеряла равновесие. Джереми поймал ее в последний момент — с ловкостью танцора, подхватив-

шего свою партнершу после исполнения гранд жете перед тем, как аккуратно поставить ее на пол. Адель смущенно поблагодарила Джереми и схватилась за планширь — корабль опять качнуло.

— Это плавание для тебя — отъезд или возвращение? — спросила она.

— А для вас?

— Отъезд... и возвращение. Я еду на похороны.

— Печально. Вы потеряли кого-то из близких?.. Простите за дурацкий вопрос... конечно, это так, иначе сейчас вы не оказались бы на этом корабле.

— Да... Когда-то этот человек был мне близок, но мы давно расстались.

— Почему?

— Так иногда случается, когда любовь очень сильна. Думаю, что судьба не прощает, когда не берегут любовь, и заставляет нас расплачиваться за небрежное отношение к ее бесценному дару. Выбор, который мы делаем, и определяет нашу судьбу.

— Легко сказать, не всегда же есть выбор. У некоторых его и вовсе нет.

– Вот тут я с тобой не соглашусь, хотя каждый имеет право на свое мнение.

Джереми в ответ промолчал. Адель посмотрела на небо. Не было видно ни звездочки. Заморосил мелкий дождь.

– На что ты там смотришь?

– На океан, на что же еще. Он огромен, этим он нас и пугает. Он нам напоминает о том, какие мы крошечные. Даже самый могущественный человек – ничтожная крупинка по сравнению с океаном.

– Ты, наверное, проголодался. Вот, держи. Это все, что мне удалось раздобыть, – сказала она, достав из кармана салфетку с сэндвичами и протягивая ее Джереми.

Он поблагодарил Адель и с аппетитом съел сэндвичи.

В нескольких милях от них молния расколола небо, за ней вспыхнула следующая – уже ближе к кораблю.

– С минуты на минуту начнется гроза. Если не пойдем в каюту, мы промокнем насквозь, – сказала Адель.

Джереми только пожал плечами и с решительным видом поднял воротник своей куртки – он не собирался покидать палубу.

Корабль по-прежнему шел навстречу молниям, дважды прогремел гром, и вскоре дождь захлестал потоками. Нос корабля поднялся, затем тяжело опустился на волны, поднимая снопы пены, и Адель снова схватилась за планширь.

Конечно, они с Джереми мгновенно промокли. Влажные пряди упали ему на лоб, Джереми смахнул их набок. Капли дождя вперемешку с брызгами морской воды струились по их лицам. Хотя Адель и замерзла, ее очень забавляли эти американские горки. Она вдруг вспомнила далекий вечер в парке развлечений. Мужчина, который ее любил и которого она любила, затащил ее на совершенно головокружительные аттракционы. Но в его компании ей никогда не было страшно. Этот кураж опьянял Адель, и она весь вечер заливалась звонким смехом.

Такие воспоминания были ей сейчас ни к чему; Адель подумала о данном обещании — быть счастливой и, положив свою руку на руку Джереми, слегка сжала его пальцы и сказала, что больше не может оставаться на палубе.

– Вы боитесь вспышек молний? На корабле безопасно.

– Я всегда любила опасность, сейчас меня пугают вспышки не молний, а моих воспоминаний, – ответила она.

Адель направилась к двери, ведущей в коридор, и обернулась к Джереми.

– Не могу оставить тебя одного на палубе в такую погоду, не спрашивай почему, просто не могу, и все. Если честно, я не слишком хорошо себя чувствую, мне пора в каюту.

Она потеряла плечи и для убедительности зябко поежилась. Наконец Джереми согласился пойти с ней.

– А что счастье для вас? – спросил он, когда они подошли к каюте Адели.

Она открыла дверь,пустила его и указала на кресло рядом с иллюминатором.

– Любить и быть любимой, – ответила Адель, протягивая ему полотенце.

Джереми вытер руки и лицо.

– Вы счастливы?

– Это очень личный вопрос, а мы недостаточно близки, чтобы я на него отвечала.